ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-84-96 УДК 165:930.1

КАНТИАНСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАРРАТИВИЗМА

Маслов Евгений Сергеевич,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры общей философии
Казанского (Приволжского) федерального университета,
Россия, 420111, Казань, ул. Кремлёвская, 18.
ORCID: 0000-0001-8919-446X
eumas@rambler.ru

Аннотация

В статье исследуется связь современной нарративистской философии истории и гносеологии Иммануила Канта. Они схожи в том, что обращают внимание не на реальность саму по себе, а на способы познания реальности. И нарративизм, и кантианство утверждают, что реальность в той или иной мере творится сознанием. По Канту, сознание человека «творит» объект с помощью априорных форм знания. Такие теоретики нарратива, как Хейден Уайт, Франк Анкерсмит и Поль Рикёр, утверждают, что нарратив представляет собой продукт активности сознания. Нарративность привносит в материал нарративную структуру и завершенность. Таким образом, нарративность в чем-то похожа на априорные формы знания кантианской философии.

Целостность – один из главных атрибутов нарратива. Его аналог – целостность объекта опыта как категория рассудка в «Критике чистого разума». Целостность нарратива производна от интриги как объединяющего фактора. Один из аспектов целостности нарратива – самотождественность персонажа. Для исторического нарратива целостность персонажа часто является проблемой, так как государство не обладает такой степенью внутреннего единства, как личность.

И Кант, и нарративисты ставят вопрос о соотношении реальности, существующей в сознании, и реальности вне сознания. В отличие от концепции Канта, в философии исторического нарратива исходный материал не столь непознаваем, как кантовский «ноумен»: это уровень исторических источников и хроник. В результате в нарративизме возможен взгляд на нарративность как на искажающий фактор, что невозможно для априорных форм знания в кантианстве. Так, с точки зрения Х. Уайта, одна модель трактовки реальности становится господствующей в историческом нарративе, подавляя другие смысловые линии.

Статья опирается на философские концепции аналитической философии (Артур Данто), философской герменевтики (Поль Рикёр) и постструктурализма (Хейден Уайт, Франк Анкерсмит, Кит Дженкинс, Алан Манзлоу), а также на классическую и постклассическую нарратологию (Цветан Тодоров, Сеймур Четмэн, Вольф Шмид).

Ключевые слова: Иммануил Кант, нарратив, нарративизм, философия истории, априоризм, персонаж, целостность, единство, постструктурализм, лингвистический поворот.

Библиографическое описание для цитирования:
Маслов Е.С. Кантианская интерпретация нарративизма // Идеи и идеалы. – 2018. – № 3, т. 1. – С. 84–96. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-84-96.

Во второй половине XX века изучение нарратива активно развивается сразу в нескольких гуманитарных дисциплинах. Философские исследования нарратива позволяют в числе прочего по-новому решать некоторые традиционные гносеологические проблемы. Предлагаемые решения могут быть сопоставлены с теориями, возникшими ранее, и в некоторых случаях такое сравнение имеет особо веские основания. В настоящей статье положения философии нарратива сопоставляются с ключевыми гносеологическими идеями Иммануила Канта.

Изучение процесса познания вместо изучения объекта познания

Два признанных лидера нарративистской философии истории, Артур Данто и Франк Анкерсмит, практически одинаково, хотя и в разных терминах, формулируют следующее разграничение типов философско-исторических концепций. Оба мыслителя разграничивают такую философию истории, которая исследует исторические события, само прошлое, и такую, которая исследует то, как мы познаём исторические события. А. Данто называет первую разновидность «субстантивной» (substantive), вторую – «аналитической» философией истории [4, с. 11]. Ф. Анкерсмит первую называет «спекулятивной», вторую – «критической» [1, с. 5–6]. Нарративистскую философию истории оба относят ко второму типу.

Развиваясь под знаком «лингвистического поворота», нарративистская философия истории делает акцент на изучении не собственно истории, а когнитивных механизмов, посредством которых человек ее познаёт. В качестве когнитивного механизма рассматривается, в частности, нарративная природа исторического знания. В этих условиях представляется уместным провести параллели между некоторыми принципами нарративизма и возникшими ранее постановками и решениями гносеологических проблем. Так, тенденция переноса внимания от предмета к процессу познания пред-

мета позволяет Полю Рикёру употребить в отношении аналитической философии истории выражение «квазикантианский поворот» [7, с. 167], ведь Кант в «Критике чистого разума» изучает, по существу, не фундаментальные свойства реальности, а то, как мы их познаём. В упомянутом терминологическом разграничении, используемом Ф. Анкерсмитом, термин «критическая» (применительно к философии истории) недвусмысленно отсылает к кантианской традиции. Таким образом, нарративизм тяготеет к кантианству уже по базовым характеристикам философского подхода к предмету.

Нарративность и априорные формы рассудка
Целостность нарратива

Идея провести параллель между кантианскими априорными формами рассудка и законами нарратива неоднократно приходила в голову философам конца XX века. Ф. Анкерсмит подчеркивает связь между концепцией Хейдена Уайта и теорией априоризма Канта. «Просто поразительно, – пишет Анкерсмит, – сходство кантианских категорий рассудка, с одной стороны, и тропологической сетки Уайта, с другой. Уайт ясно отдавал себе отчет в подобном сходстве. Действительно, в обоих случаях мы имеем дело с, говоря языком Дональда Давидсона, "концептуальной схемой", которая определяет, как мы видим и осмысливаем мир» [1, с. 11–12]. Подмечая сходство собственных теоретических установок с подходом Канта, Анкерсмит специально уточняет, что его методология всё же ближе Стросону, чем Канту [2, с. 88]. Впрочем, Стросон, как и Кант, исследует базовые структуры человеческого опыта и лишь по-другому (в русле, более близком к философии языка) объясняет их природу и происхождение.

Что общего можно усмотреть между нарративом и кантовскими категориями? Информация о событиях может предстать перед нашим сознанием только в виде повествовательного текста. При этом исследователи способны указать на те аспекты данной информации, которые отсутствуют в реальности самой по себе и обязаны своим появлением именно нарративной форме.

В числе этих аспектов – завершенность и целостность нарратива. Наличие начала и конца относят к числу атрибутов нарратива самые разные авторы [7, с. 50–51; 9, с. 25–26; 11, p. 47]. Первым на это обратил внимание Аристотель: «У нас уже принято положение, что трагедия есть воспроизведение действия законченного и целого, имеющего определенный объем. <…> Целое – то, что имеет начало, середину и конец» [3, с. 156]. Источником целостности повествовательного текста выступает интрига. Именно отнесенность к интриге является основой для отнесения материала к определенному нарративу. События, персонажи, обстоятельства важны или не важны, достойны или не достойны того, чтобы быть отображенными, в зависимости от их значения для той интриги, которая является основой конкретного нар-

ратива [7, с. 81]. Сущностью интриги является некая проективность, которая реализуется через взаимодействие с дружественными и враждебными обстоятельствами. Стадиальность этого процесса рассматривается Цв. Тодоровым как основа структуры базовой единицы нарративного текста – эпизода; с некоторыми оговорками эта структура характеризует и нарратив в целом. Любой эпизод, по Тодорову, начинается с нарушения состояния исходного равновесия. На протяжении всего развития эпизода равновесие остается нарушенным. Нарратив завершается в той временной точке, в которой равновесие восстанавливается, являясь, впрочем, в этом своем финальном виде чем-то отличным от первоначального состояния [8, с. 88–89].

В художественной литературе автор творит своим воображением и сам изображаемый мир с его персонажами и событиями, и способ преподнесения этого мира в виде конкретного сюжета. Историк сталкивается с уже готовой, причем зачастую необъятной совокупностью фактов, и его задача иная: выстроить эти факты в некую целостность. Здесь-то и вступает в силу закон структуры нарративного эпизода, сформулированный Тодоровым. Х. Уайт указывает на механизм образования завязок и развязок при конструировании исторического нарратива из материала слабоструктурированных исторических хроник: «…трансформация хроники в историю обусловлена характеристикой одних событий в хронике в терминах мотивов завязки, других – в терминах мотивов развязки, третьих – в терминах переходных мотивов» [9, с. 25]. В готовом виде нам даны факты, но что в них взять в качестве завязки и развязки нарратива – решать нам. «Смерть короля, – пишет Х. Уайт, – может быть началом, концом или просто переходным событием в трех различных историях» [Там же, с. 26].

Нарратив объединяет в некую целостность разрозненные элементы опыта. Эта тенденция, по мнению Ф. Анкерсмита, способна зайти так далеко, что для исторического нарратива характерно возникновение «нарративных субстанций», примерами которых являются «Ренессанс» или «Холодная война»: Анкерсмит утверждает, что нарративные субстанции функционируют уже как вещи, а не как высказывания о вещах [2, с. 145].

Иммануил Кант относит единство, множественность и цельность («целокупность») к числу априорных форм рассудка, объединяя их в группу категорий количества [6, с. 175]. К целостности и завершенности нарратива имеют отношение все три эти категории – в большей степени, конечно, единство и цельность. Вместе с тем Кант уделяет немало внимания трансцендентальному единству апперцепции как механизму, обеспечивающему, с одной стороны, единство субъекта, а с другой – объекта мышления [6, с. 191–194]. Таким образом, по мнению Канта, единство и цельность – это не только аспекты рационального мышления, но и что-то относящееся к наиболее базовым аспектам сознания в целом.

Если целостность нарратива есть нечто такое, что отсутствует на уровне реальности и привносится в объект мысли сознанием, то нарратив вполне можно трактовать как иллюстрацию к действию кантовских категорий количества. Как и в случае с другими примерами, мы не способны при рассмотрении этой ситуации выйти за рамки базовых принципов работы нашего сознания, а именно – не способны помыслить такую реальность, в которой не было бы целостности в том или ином ее проявлении. Но мы способны по-разному располагать границы целостностей и за счет этого видеть относительность каждой из них. Например, мы можем переместить внимание от истории России к Отечественной войне 1812 года, к Бородинскому сражению, к тому, что ел на обед определенный солдат накануне Бородинского сражения и т. д. Аналогичное действие мы можем проделать с ненарративной целостностью, например, помыслить шкаф как единство досок, металлических петель и шурупов, а потом перейти к рассмотрению отдельной дверной петли этого шкафа.

Значение принципа целостности для проблемы персонажа исторического нарратива

Одно из проявлений принципа целостности в нарративе – это целостность персонажа. В произведениях художественной литературы, где героями являются люди или, по крайней мере, некие существа, персонаж может как угодно меняться, но обычно остается самим собой. Исключения (мотив двойников, раздвоение личности и т. п.) бывают, но не делают погоды. Политическая история, напротив, очень часто имеет дело с нарушением целостности своих «действующих лиц», таких как государства. Об этой сложности в написании исторических нарративов пишет Ф. Анкерсмит: «Возьмем, к примеру, Германию в период с 1815 по 1871 год, когда она перестала быть чисто географическим названием и превратилась в единое национальное государство. Имеем ли мы здесь только один объект изменения или два, или, может быть, тридцать девять (по числу германских государств после наполеоновской реорганизации и Венского конгресса)?» [2, с. 65–66]. В истории есть множество ситуаций, в которых трудно ответить на вопрос: перед нами тот же самый объект, только изменившийся, или уже другой? Государства сливаются воедино и позже распадаются уже по новым линиям границ, меняется их этнический состав и политическое устройство. Но названия трудов «История Германии» или «История Индии» словно бы игнорируют эту невозможность проследить единое, идентичное самому себе действующее лицо.

Учебники по истории СССР начинались с рассказа о древнем царстве Урарту, так как его территория частично совпадала с территорией одной из республик Советского Союза – Армении. При этом очевидно, что СССР

вряд ли можно считать видоизменившимся Урарту. Больше сложностей вызывает вопрос о том, можно ли какое-либо из ныне существующих государств считать видоизменившейся Киевской Русью. С Московской Русью, казалось бы, проще: сегодняшнюю Россию вполне логично считать современной стадией единой линии преемственности «Московская Русь – Российская империя – СССР – Российская Федерация». Но как быть с другими средневековыми русскими княжествами, существовавшими какое-то время параллельно с Московским? Считать ли их совокупность временной (кризисной, маргинальной, неистинной) формой существования единого Российского государства? Или признать, что, например, Тверское княжество в определенный момент просто исчезло, его нарратив завершился с присоединением к Москве? И как быть в этой ситуацией с той же Арменией или Узбекистаном? Для истории Советского Союза их многовековое существование в различных государственных формах было лишь предтечей счастливого единения советских республик, но после распада СССР такой взгляд снова оказался лишен оснований. Наконец, почему бы не изобразить современную политическую историю как продолжение историй Римской империи, Арабского халифата, Киевской Руси и т. д., то есть брать за отправную точку «персонажей» прошлого? Эти вопросы демонстрируют большое значение принципа целостности для нашего восприятия мировой истории.

Субъект творит объект

Подход Канта предполагает, что облик феномена производен не только от свойств реальности, находящейся вне сознания, но и от свойств самого сознания. Феномен конституируется, в некотором смысле творится сознанием. Эта идея резонирует с тезисом, который на разные лады высказывали многие исследователи природы нарратива: нарратив привносит в оформляемую им реальность нечто такое, чего в ней нет, повествовательная структура не присутствует в реальности, но творится сознанием. Для постструктуралистской философии истории характерна идея о том, что тот, кто излагает историю, в определенном смысле является ее творцом. Так, по мнению Ф. Анкерсмита, «нарратив не является проекцией исторического ландшафта или некоего исторического механизма, прошлое лишь *конституируется* в нарративе. Структура нарратива – это структура, которая *придается* или *навязывается* прошлому, она не является результатом рефлексии над родственной структурой, объективно присутствующей в самом прошлом. <…> …у прошлого как такового нет нарративной структуры – нарративные структуры появляются только в нарративе» [2, с. 128]. Схожие идеи высказывает Алан Манзлоу [13, p. 73]. Поль Рикёр непосредственно подмечает параллель между конфигурирующим актом нарратива и кантовской способностью к трансцендентальному продуктивному воображению [7, с. 84].

Идея активного формирования объекта со стороны субъекта является одной из методологических основ концепции Хейдена Уайта. Для терминологической фиксации этой идеи Уайт вводит термин «префигурация»: «…историк совершает, по существу, *поэтический* акт, в котором он заранее представляет [*pre*figures] историческое поле и конституирует его как специфическую область, к которой он применяет отдельные теории…» [9, с. 18].

Уже в начале XX века немецкая исследовательница Кэте Фридеманн усматривает в атрибутивной для нарратива фигуре нарратора иллюстрацию кантовской идеи о том, что «мы постигаем мир не таким, каким он существует сам по себе, а таким, каким он прошел через посредство некоего созерцающего ума» (цит. по: [10, с. 26]). Постановка ряда проблем в философии нарратива действительно во многом напоминает кантианские мотивы. Однако тогда постструктуралистский тезис о «сотворении» истории в нарративе лишается своей экстравагантности, растворяясь в куда более масштабной идее о «сотворении» сознанием феномена вообще.

Один из интересных нюансов проблемы, отличающий подход постструктуралистской философии истории от кантианской постановки вопроса, заключается в следующем. Когда Кант пишет о «продуктивном воображении», у него не возникает сложности с отграничением этого процесса от того, что, собственно, обычно понимается под словом «воображение». С точки зрения Канта, дерево, которое я вижу перед собой, существует в моем сознании благодаря действию априорных форм знания, то есть благодаря определенной активности моего сознания, но это не значит, что оно творится моей фантазией. Однако постструктуралисты всё время вынуждены возвращаться к этому разграничению, так как тезис о том, что история творится историком, слишком похож на утверждение, что историк эту историю придумывает (см., например: [12, p. 6]). Разграничение не было бы столь актуальным, если бы не существовало такой всем хорошо знакомой области творчества, как художественная литература, которая представляет собой традицию легитимированного вымысла.

Проблема познаваемости реальности

В постмодернистской философии истории мы можем усмотреть аналогию с агностическими идеями Канта, хотя и с несколько иными методологическими выводами. Постмодернисты нередко ставят под сомнение состоятельность попыток познать историческую реальность такой, какая она есть (была) на самом деле. В крайних формах эта идея превращается в заявление, что постановка вопроса о реальности, стоящей за историческим текстом, ложная, что текст и есть единственная доступная нам реальность. Если кантовский подход позволял трактовать науку как успешное познание феномена, пусть и не претендующее на проникновение в ноумен, то постмодер-

нистская концепция подрубает самую основу и смысл исторической науки, отчего становится понятным стойкое отрицательное отношение к этой концепции со стороны большого количества профессиональных историков.

Анкерсмит сравнивает реальность, не прошедшую через оформление принципами нарративности, с кантиански понимаемой ноуменальной действительностью, «к которой мы никогда не сможем получить доступ» [1, с. 11–12]. Однако если для Канта ноумен принципиально непознаваем, то для нарративистов исходный материал «конструирования» в той или иной степени доступен познанию. Так, Х. Уайт пишет о «необработанном историческом источнике» как основании, на котором зиждется процесс выстраивания истории [9, с. 25]. Этот же автор выделяет сразу несколько опосредующих ступеней «сотворения» истории: совокупность событий, серия, последовательность, хроника, и только затем повествование как уровень наибольшей обработки материала сознанием [Там же, с. 8]. Легко заметить, что названные элементы в той или иной степени доступны сознанию вне того, что относится собственно к повествованию. Одно из базовых разграничений структуралистской нарратологии – противопоставление истории и дискурса, восходящее к разграничению фабулы и сюжета русскими формалистами, – подразумевает возможность познавать не только то, какими события предстают перед читателями, но и то, какими они являются сами по себе (см., например: [10, с. 145–185]).

Можно трактовать это отличие следующим образом: нарративизм имеет дело не с тем наиболее базовым уровнем «конструирования» реальности, который отсылает к кантовской постановке проблемы познаваемости мира. Порождение нарратива опирается на этот базовый уровень и представляет собой процесс формирования более сложных объектов на основании данности более простых элементов опыта.

Существует разительный контраст между «железными» принципами априоризма Канта и многовариантностью конституирования нарративной реальности с позиций постструктуралистской философии истории. Тропы Уайта имеют несколько вариантов, выбор которых, по большому счету, случаен [9, с. 27–30]. Это существенное отличие от концепции Канта, у которого априорные формы знания не имеют вариантов, почему, кстати, их и сложно обнаружить и невозможно (или очень проблематично) помыслить им альтернативу. Как следствие, с позиций теории Уайта, мы не можем прорваться к реальности, освобожденной от тропов, но мы можем сравнивать нарративы, основанные на одном и том же материале и при этом на разных тропах. В то же время в нарративности есть и такие элементы, которые по непреложности сопоставимы с кантовскими априорными принципами и, по-видимому, состоят с ними в родстве, как, например, упоминавшиеся выше целостность и завершенность нарратива.

Конституирование истории как нарратива порождает некоторые специфические проблемы, далеко выходящие за рамки кантовских категорий рассудка. История, особенно если говорить об истории крупных общностей, а не об описании отдельных исторических событий, конституируется в сознании значительно более сложными путями, чем обычные объекты, такие как дерево или шкаф. И эти пути могут очень сильно варьироваться. Доказательством тому является наличие множества альтернативных историй, рассказанных с позиций различных идеологий. К. Дженкинс, один из представителей постструктуралистской нарративистской философии истории, анализирует это обстоятельство в контексте рассуждений о природе нарратива. Например, многое зависит уже от того, кого выбрать в качестве главного действующего лица исторического нарратива: в марксизме и феминизме оценки и описания событий будут различаться уже в силу одного только этого обстоятельства [12, p. 20–21].

Существование различных версий истории, производных от различных идеологических позиций, известно давно, но нарративизм представляет ее в новом свете. Реальность остается реальностью, но путь от нее до сознания неминуемо выводит на первый план одни элементы и оставляет в тени другие. Вопрос только в том, какие именно элементы окажутся в выигрышной позиции в том или ином варианте исторического нарратива. Насколько неминуемо такой подход ведет к релятивизму? А. Манзлоу возражает против обвинения нарративизма в релятивизме, приводящем к аморальности (например, через отрицание или искажение значимых исторических событий, таких как Холокост). Наложение на реальность нарративной структуры, считает Манзлоу, не означает искажения, это лишь способ освоения определенного опыта [13, p. 73]. Вместе с тем скептицизм в отношении познания реальности «как она есть» сквозит в произведениях постструктуралистов. «Мы имеем дело с неопределенностью, – выражает дух своего исследования Дженкинс, – мы потревожили истину, отследили ее и обнаружили, что она – языковой знак, концепт. Истина – автореферентная фигура речи, не способная получить доступ к феноменальному миру: слово и мир, слово и объект остаются разделенными» [12, p. 36] (перевод наш. – *Е. М.*). Порой создается впечатление, что нарративисты стремятся как-то откреститься от напрашивающегося вывода о бессмысленности стремления к исторической истине, хотя можно поставить вопрос о том, удается ли им справиться с этой задачей.

И.В. Дёмин справедливо отмечает, что вопрос о соотношении прошлого в таком виде, в каком оно представлено для нас (исторического нарратива), и исторического прошлого самого по себе выходит за рамки той методологической установки, о которой мы упоминали выше: исследовать не саму историю, а способы ее познания. Фактически перед нами вопрос из арсена-

ла субстантивной (в терминах Данто), а не аналитической философии истории, так как аналитическая философия, по заявлениям ее лидеров, должна воздерживаться от таких «метафизических» вопросов, как вопрос о том, что представляет собой реальность сама по себе [5, с. 8–9]. Таким образом, в этом пункте нарративисты словно бы отходят от ключевых методологических принципов современной философии языка и неожиданным образом приближаются к кантианской постановке философской проблемы.

Сотворение или искажение?

Благодаря названным особенностям становится возможным проследить процесс порождения нарратива в ключе, недоступном для кантовского априоризма, а именно: как формирование сложной нарративной целостности способно не просто формировать, но еще и искажать исходный материал. Историк (вообще любой автор исторического нарратива) выбирает из бесчисленного множества событий то, что он будет описывать. Даже если мы признаем субъективность этого выбора, сам по себе он еще не будет искажением: в конце концов, любое высказывание охватывает лишь часть того, о чем в принципе можно что-либо сказать. Искажение происходит на стадии формирования целостности. Так, Поль Рикёр следующим образом характеризует один из аспектов концепции Хейдена Уайта. В своем труде историк формирует одну из линий развития интриги как главенствующую над всем повествованием. Тип этой интриги (американский исследователь рассматривает четыре типа: роман, трагедию, комедию и сатиру) окрашивает, согласно концепции Уайта, в свою краску тип отношений персонажей и мира для всего изображаемого в повествовании универсума [7, с. 190–193]. Это ограничивает возможность проявиться другим линиям интриги, которые не созвучны основной. Получается, что одна часть подчиняет себе другие части и в результате подменяет собою целое.

Чтобы продемонстрировать огрубляющее действие нарративной целостности, рассмотрим такой аспект истории, как тип и направленность развития. В развитии любого общества имеет место одновременное сосуществование множества линий, каждую из которых можно рассмотреть как отдельный сюжет. Какие-то из них представляют собой прогресс, какие-то – регресс, некоторые – колебания вокруг одних и тех же параметров. Но при создании повествования об истории этого общества в целом мы вынуждены выделить какую-то сюжетную линию как доминирующую. В результате появляются философско-исторические концепции, провозглашающие, что история общества представляет собой, например, прогресс. Это не будет ложным суждением, но множество аспектов при таком подходе окажутся проигнорированными.

Таким образом, нарративная структура знания способна выступать в роли чего-то подобного уже не только априорным формам знания Иммануила Канта, но и «идолам» Френсиса Бэкона. Нарратив конструируется как целостность за счет нахождения некоей смысловой доминанты. Что бы ни было выбрано в этом качестве и какими бы не были основания выбора, эта доминанта начинает влиять на все остальные компоненты нарратива. В результате совокупность событий, оформленная в качестве единого нарратива, предстает чем-то упрощенным и огрубленным по сравнению с ситуацией, когда о каждом из этих событий рассказывается по отдельности.

Литература

1. *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.

2. *Анкерсмит Ф.Р.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. – М.: Идея-Пресс, 2003. – 360 с.

3. *Аристотель.* Риторика. Поэтика. – М.: Лабиринт, 2004. – 224 с.

4. *Данто А.* Аналитическая философия истории. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 290 с.

5. *Дёмин П.В.* К вопросу о соотношении философии истории и философии языка в ситуации лингвистического поворота // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2014. – № 1. – С. 6–12.

6. *Кант И.* Сочинения. В 6 т. Т. 3. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.

7. *Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998. – 313 с.

8. *Тодоров Цв.* Поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 37–113.

9. *Уайт Х.* Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.

10. *Шмид В.* Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

11. *Chatman S.* Story and discourse: narrative structure in fiction and film. – New York: Cornell University Press, 1978. – 277 p.

12. *Jenkins K.* Re-thinking history / with a new preface and conversation with the author by Alun Munslow. – London; New York: Routledge Classics, 2003. – 99 p.

13. *Munslow A.* Deconstructing history. – London; New York: Routledge, 1997. – 226 p.

Статья поступила в редакцию 11.03.2018 г.
Статья прошла рецензирование 29.03.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-84-96

KANTIAN INTERPRETATION OF NARRATIVISM

Maslov Evgeniy,
Cand. of Sc. (Philosophy),
Associate Professor of the General Philosophy Department,
Kazan (Volga Region) Federal University,
18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8919-446X
eumas@rambler.ru

Abstract

The article explores the connection between modern narrativist philosophy of history and epistemology of Immanuel Kant. Both narrativism and Kantianism are interested not in reality itself, but in the ways of cognition of reality. Both assert that reality in one way or another is created by consciousness. According to Kant, human consciousness "creates" the object with the help of a priori concepts. Such theorists of narrative as Hayden White, Frank Ankersmit, Paul Ricoeur argue that narrative is a product of consciousness activity. Narrativity brings narrative structure and completeness to the material. Thus, narrativity is something similar to the a priori concepts of Kantian philosophy.

Integrity is one of the main attributes of the narrative. Its analogue is the unity as a category in the "Critique of Pure Reason". The integrity of the narrative is derived from intrigue as a unifying factor. One of the aspects of the integrity of the narrative is the self-identity of the character. For the historical narrative, the integrity of the character is often a problem, since the state does not have such a degree of inner unity as a person.

Both Kant and narrativists raise the question of the correlation between reality existing in consciousness and reality outside consciousness. Unlike Kant's conception, in the philosophy of historical narrative the source material is not so unknowable as the Kantian "noumenon": it is the level of historical sources and chronicles. As a result, in narrativism a view of narrativity as a distorting factor is possible, which is impossible for a priori concepts in Kantianism. Thus, from the point of view of Hayden White, one model of the interpretation of reality becomes dominant in the historical narrative, suppressing other semantic lines.

The article is based on the concepts of analytical philosophy (Arthur Danto), philosophical hermeneutics (Paul Ricoeur) and poststructuralism (Hayden White, Frank Ankersmit, Keith Jenkins, Alan Munslow), and classical and postclassical narratology (Tsvetan Todorov, Seymour Chatman, Wolf Schmid).

Keywords: Immanuel Kant, narrative, narrativism, philosophy of history, apriorism, character, integrity, unity, poststructuralism, linguistic turn.

Bibliographic description for citation:
Maslov E.S. Kantian interpretation of narrativism. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 3, vol. 1, pp. 84–96. doi: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-84-96.

References

1. Ankersmit F.R. *History and tropology*: *the rise and fall of metaphor*. Berkeley, University of California Press, 1994. 244 p. (Russ. ed.: Ankersmit F.R. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 496 p.).

2. Ankersmit F.R. *Narrative logic*: *the semantic analysis of the historian's language*. The Hague, Boston, Martinus Nijhoff Publishers, 1983. 265 p. (Russ. ed.: Ankersmit F.R. *Narrativnaya logika*: *semanticheskii analiz yazyka istorikov*. Moscow, Ideya-Press Publ., 2003. 360 p.).

3. Aristotle. *Ritorika. Poetika* [Rhetoric. Poetics]. Moscow, Labirint Publ., 2004. 224 p. (In Russian).

4. Danto A. *Analytical philosophy of history*. Cambridge, Cambridge University Press, 1965. 318 p. (Russ. ed.: Danto A. *Analiticheskaya filosofiya istorii*. Moscow, Ideya-Press Publ., 2002. 292 p.).

5. Demin I.V. K voprosu o sootnoshenii filosofii istorii i filosofii yazyka v situatsii lingvisticheskogo povorota [On the question of the relationship between the philosophy of history and the philosophy of language in the situation of a linguistic turn]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii – Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2014, no. 1, pp. 6–12.

6. Kant I. *Sochineniya*. V 6 t. T. 3. *Kritika chistogo razuma* [Works. In 6 vol. Vol. 3. Critique of Pure Reason]. Moscow, Mysl' Publ., 1964. 799 p. (In Russian).

7. Ricoeur P. *Temps et récit*. T. 1. *L'intrigue et le récit historique* [Time and narrative]. Paris, Éd. du Seuil, 1985 (Russ. ed.: Riker P. *Vremya i rasskaz*. T. 1. *Intriga i istoricheskii rasskaz*. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1998. 313 p.).

8. Todorov Ts. Poetika [Poetics]. *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: "for" and "against"]. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 37–113.

9. White H. *Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1973. 448 p. (Russ. ed.: Uait Kh. *Metaistoriya: istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka*. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2002. 528 p.).

10. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 312 p.

11. Chatman S. *Story and discourse: narrative structure in fiction and film*. New York, Cornell University Press, 1978. 277 p.

12. Jenkins K. *Re-thinking history*. With a new preface and conversation with the author by Alun Munslow. London, New York, Routledge Classics, 2003. 99 p.

13. Munslow A. *Deconstructing history*. London, New York, Routledge, 1997. 226 p.

The article was received on 11.03.2018.
The article was reviewed on 29.03.2018.